

“АРАБСКАЯ ВЕСНА”: СВЕТ И ТЕНИ

“Арабская весна” стала событием сродни “цветным революциям” и имела примерно одинаковые последствия для народов разных стран. Однако эти феномены далеко не тождественны. Во-первых, “цветные”, или “бархатные”, т.е. бескровные революции, имели вполне очерченный ареал: бывшие республики СССР и некоторые бывшие социалистические страны. Это “бархатная революция” в Сербии в 2000 г., “революция роз” в Грузии в 2003 г., “оранжевая революция” на Украине в 2004 г., “тюльпановая революция” в Киргизии в 2005 г. В последнем случае, возможно, сыграл свою роль и демонстрационный эффект. Во-вторых, “цветные революции” имели целью по заранее разработанному Вашингтоном сценарию при опоре на местные либеральные круги сменить существующие в этих странах режимы, привязать их к западным экономическим и военным структурам и не допустить сближения с РФ. Если говорить о событиях на Украине в 2014 г., когда имело место свержение экстремистами законно избранной власти вооруженным путем, то они тоже произошли при активной поддержке Запада, и прежде всего США, но к “цветным” революциям не относятся. Что же касается революционных потрясений в арабском мире, названных “арабской весной”, то они возникли по собственному сценарию, не исключая влияния извне.

“Арабская весна” – результат стечения целого ряда факторов. Ее началом стал мировой финансово-экономический кризис. И то, что именно с Туниса началась “арабская весна”, тоже имеет свое объяснение. Это тесно связанная с бывшей метрополией – Францией, страна с довольно высокой прослойкой образованных людей, прежде всего молодежи, страна, бывшая раем для туристов и считавшаяся вполне благополучной. Но мировой финансово-экономический кризис ударил по многим арабским странам и, в частности, по Тунису. Уменьшился поток туристов, сократились перечисления работающих в Европе сограждан, началась утечка капиталов, резко подорожали продукты питания, а безработица среди молодежи достигла 50%. Южные страны Евросоюза, особенно Греция и Португалия, тоже оказались в бедственном положении, но в условиях демократических режимов социальный протест не накапливается, как пар в задренном котле, а выходит на улицу. Притом что в ходе внеочередных выборов можно и сменить власть, как это, например, произошло в той же Греции. В Тунисе же почти четверть века правил президент-диктатор Бен Али (Зин аль-Абидин Бен Али), до этого побывавший и дипломатом, и главой спецслужб, и министром внутренних дел, и премьер-министром. Он жестоко подавлял инакомыслие и протестные выступления, а слышная “серым кардиналом” его жена Лейла была большой модницей и вела вызывающе расточительный образ жизни, что делало ее в глазах тунисцев еще более ненавистной, чем ее супруг. Как сообщали средства массовой информации (СМИ), ссылаясь на международные финансовые источники, за годы совместного правления они присвоили 23 млрд долл. Возможно, это большое преувеличение, но то, что они грабили народ, скорее всего, правда.

Кива Алексей Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Ситуация была опасной. Нужен был только повод, чтобы она взорвалась. Им стало самосожжение мелкого уличного торговца Мохаммада Буазизи 17 декабря 2010 г. Случилось это после того, как полицейский за торговлю в неполюженном месте конфисковал его тележку с фруктами и овощами – его единственный источник заработка, помогавший выжить не только ему, но и матери, и сестрам. А 22 декабря 2010 г. покончил с собой еще один молодой тунисец Хусейн Наги Фелхи со словами, которые многое объясняют: “Нет нищете! Нет безработице!”¹ И это взорвало тунисское общество, и многие люди, и прежде всего из среды молодежи, вышли на улицы с требованием социальных и демократических перемен, а потом – и смены власти. И, как это практикуется в авторитарных режимах, против демонстрантов власти бросили полицию, начались стычки, аресты и пролилась кровь. События в Тунисе в СМИ получила название “жасминовой революции” по типу того, как “цветными революциями” были названы бескровные смены режимов в ряде бывших социалистических стран. Хотя на деле в ходе столкновений демонстрантов со стражами погибло много людей и еще больше было ранено. Тем не менее сравнительная легкость смены власти объясняется тем, что армия отказалась поддерживать президента, и Бен Али 14 января 2011 г. бежал из страны в Саудовскую Аравию. Поначалу многие аналитики, как зарубежные, так и отечественные, считали события в Тунисе явлением исключительным. Широко распространенным было мнение, что народы арабских стран привыкли жить в повиновении и если в них и происходят смены режимов, то только в результате “революции сверху”, а не “революции снизу”.

Однако буквально на следующий день после бегства из страны Бен Али начались волнения в Египте. Такое развитие ситуации мало кто предвидел. Даже многие опытные арабисты считали, что президент Х. Мубарак, герой Египта, участник едва ли не всех арабо-израильских войн, признанный лидер арабского мира, при опоре на армию крепко держит власть в своих руках, и то, что произошло в Тунисе, вряд ли повторится в Египте. Однако образованные демократически настроенные молодые египтяне внимательно следили за развитием событий в Тунисе и через социальные сети – Фейсбук и Твиттер – искали своих единомышленников. С этого и начинался процесс их самоорганизации. Сигналом же их выступлений под флагом борьбы за радикальные перемены стало бегство из страны Бен Али. Как объясняли российским корреспондентам египетские “революционеры”, они считали, что если в Тунисе народ сумел прогнать диктатора, то почему нельзя этого добиться в Египте как самой крупной и влиятельной стране арабского мира? Х. Мубарак, как и Бен Али, вначале рассчитывал силой подавить протестные выступления. Однако по мере вовлечения в них людей разных возрастов и нарастания вооруженного сопротивления протестующим силам правопорядка множились жертвы. В этих условиях Мубарак, не получив поддержку со стороны армии, 11 февраля 2011 г., т.е. через 18 дней после начала волнений, ушел в отставку. После этого власть в стране перешла в руки Высшего совета вооруженных сил.

Те аналитики, которые считали, что Египет не последует примеру Туниса, не учитывали, что за долгие годы правления Мубарак не только потерял связь с народом, но и вызвал недовольство со стороны своих сподвижников, включая руководство армии. Он готовил на свое место сына, в то время как среди высших армейских руководителей были свои претенденты на этот пост. Свидетель происходивших в Египте событий корреспондент ИТАР-ТАСС Д. Пьяных писала: “В многочисленных беседах с египтянами все они в один голос утверждали, что до середины 90-х гг. президент Хосни Мубарак отвечал всем чаяниям и требованиям народа. Ситуация резко изменилась в 2002 г., когда он ввел во власть совершенно не популярного в народе сына Гамалея, бизнесмена и экономиста, продвигая его себе на замену, против чего категорически выступал народ. Он потянул за собой в высшие эшелоны власти бизнесменов, еще больше разрушая “кумовством” уже давно погрязший в коррупции чиновничий аппарат”².

¹ Свиридов П. Тунисское восстание – послание народам: не бойтесь диктаторов! – Советская Россия, 18.1.2011.

² Пьяных Д. Ближний Восток после Мубарака. – <http://rodon.org/polit-110218111922>

По-другому сценарию развивались события в Ливии. Там тоже были молодые образованные люди, в том числе безработные, недовольные правлением М. Каддафи и мечтавшие о демократии западного толка. Кто-то назвал их “интернет-молодежью”. Их было не очень много, но достаточно для того, чтобы устроить бунт. Если в богатой нефтью Ливии и не было того процветания, которое уже имело место в ряде других богатых нефтью арабских стран, как, например, в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ), то и не было массовой нищеты. А особенности ситуации в Ливии заключаются в следующем:

Первое. Центром восстания или бунта, мятежа – разные силы по-разному трактуют антиправительственные выступления в Ливии, как, впрочем, и во всех странах “арабской весны” – стала не столица страны Триполи, а главный город провинции Киренаики Бенгази. Ливия состоит из трех провинций: Триполитании на западе, Киренаики на востоке и Феззама (Феццама) в центральной части страны, в основном пустынной и полупустынной. В сельской местности каждой провинции живут свои племена, к которым по-разному относился выходец из Триполитании М. Каддафи. Международные аналитики утверждали, что финансированию этой провинции отдавалось предпочтение в ущерб Киренаике. А то, что в развязывании гражданской войны немалую роль сыграл племенной фактор, мало кем оспаривалось. Киренаика – это родина короля Идриса I (Мухаммада Идриса ас-Сануси), внука основателя суфийского ордена синуситов, который упорно и небезуспешно боролся против колонизаторов. В 1914 г. Мухаммад ас-Сануси был провозглашен эмиром Киренаики, а в 1947 г. – и эмиром Триполитании. На учредительном собрании Ливии в 1950 г. он был избран королем Ливии, и в 1951 г. на политической карте мира появилось Соединенное королевство Ливии как “демократическое, федеративное, независимое и суверенное государство, формой правления которого является конституционная монархия”. Оно было быстро признано в мире. А в 1969 г. молодой капитан Каддафи из бедуинской семьи, следуя примеру Г.А. Насера, с группой других “молодых офицеров”, сверг короля Идриса I и установил в Ливии под флагом “Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии” режим, которому трудно дать точное определение. С одной стороны, он похож на диктаторский, а с другой стороны, официально провозглашалось, что страной “правят массы”. Формально не было и главы государства, поскольку Каддафи официально именовался лидером ливийской революции. Соответственно не было и выборов в органы власти. И все это вытекало из “Зеленой книги” Каддафи, в которой излагалась “Третья Всемирная Теория”. То, что Каддафи ликвидировал конституционную монархию в пользу фактически личной диктатуры, осталось в коллективной памяти жителей Киренаики и дало о себе знать с началом “арабской весны”.

Второе. Каддафи много сделал для того, чтобы настроить против себя и Запад, и большинство арабских стран. Он был экстравагантный, не сдержанный в резких выражениях, страдал, по мнению многих аналитиков, манией величия. Получая большие доходы от нефти, он хотел превратить Ливию с 5-ти (ныне 6-ти) миллионным населением в центр арабского мира, безуспешно пытаясь объединиться то с одной, то с другой более крупной страной, намеревался даже обзавестись ядерным оружием. Каддафи превратил территорию страны в базу для подготовки террористов, называемых “революционерами”. Он финансировал антиправительственные движения в Палестине, Уганде, Северной Ирландии, Марокко, Судане, Анголе, Мозамбике, Испании, Колумбии, Турции, Новой Каледонии, на Филиппинах. На что уходило немало нефтедолларов. Но еще больше их тратилось на вооружения, которые закупались в невероятно больших масштабах для такой небольшой страны. В ответ на какие-то действия США ливийскими спецслужбами в 1986 г. был осуществлен взрыв дискотеки в Западном Берлине, которую посещали преимущественно американские военнослужащие. В результате погибли и были ранены 250 человек. В отместку авиация США в апреле 1986 г. нанесла бомбовые удары по нескольким ливийским городам и по резиденции Каддафи. Это не остановило лидера ливийской революции и в 1988 г. его спецслужбами был организован взрыв пассажирского самолета компании Пан Американ над

небом Шотландии. Тогда погибло 270 человек. В 1989 г. был взорван французский лайнер, и жертвами стали 170 человек. В 1992 и 1993 гг. Совет Безопасности ООН вводил против Ливии жесткие санкции, которые сильно ударили по экономике страны, а заодно и по возможностям Каддафи тратить огромные средства на подрывную деятельность на международной арене. В итоге он был вынужден отказаться от террористической деятельности, закрыть лагеря подготовки “революционеров”, свернуть программу создания оружия массового поражения и согласился выплатить компенсацию в размере 2,7 млрд долл. семьям погибших при взрыве лайнера Пан Американ, а также 33 млн долл. – семьям погибших во время взрыва французского пассажирского самолета. К началу “арабской весны” с Ливии были сняты международные санкции и Каддафи свободно посещал западные страны и даже фотографировался с некоторыми их лидерами.

Третье. Ливия стала первой страной “арабской весны”, в гражданскую войну которой открыто вмешались на стороне оппозиции западные страны, и прежде всего Британия и Франция, авиация которых бомбила правительственные здания, военные базы, колонны войск, уничтожала тяжелое вооружение и т.д. США тоже не были в стороне, снабжая союзников данными радиоэлектронной разведки, действовал на территории Ливии и американский спецназ. Но все это происходило после того, как Совет Безопасности ООН 17 марта 2011 г. принял резолюцию, запрещающую верной Каддафи авиации осуществлять полеты над территорией Ливии, чтобы не разрасталось от бомбардировок число человеческих жертв, включая женщин и детей. Позиция России – воздержаться при голосовании и не блокировать принятие резолюции – была согласована с постоянными и непостоянными членами Совбеза ООН, странами БРИК – Китаем, Индией и Бразилией, к которым присоединилась и Германия. С российской стороны такое решение казалось оптимальным: оно не закрывало России путь к сотрудничеству с Ливией как при победе каддафистов, так и повстанцев. Только потом стало известно, что на деле подвластная Каддафи авиация бомбила не скопления мирных жителей, как подавалось западными источниками, а склады с боеприпасами, дабы они не попали в руки повстанцев. Но в любом случае эта резолюция не давала права странам НАТО вмешиваться в гражданскую войну в Ливии. Собственными силами добиться победы повстанцы никак не могли. Единой армии, как в Египте и Тунисе, которая могла бы заставить Каддафи уйти в отставку, в Ливии не было. Точнее, в ней было много разных “армий”. Это бригады революционной гвардии в основном из племенных групп Каддафи, гвардия масс, революционные комитеты обороны, пограничная стража, пустынная стража, интернациональные батальоны, африканские батальоны, арабские батальоны. Был даже женский батальон. При этом элитными частями командовали сыны Каддафи.

Если считать, что Каддафи поплатился за убитых американцев, французов и британцев, то оправдывает ли это те потери, которые Европа несет после его устранения? Каддафи по крайней мере решительно подавлял организации исламистов. Вместо демократии Ливия получила анархию, а ее необъятная территория, которая раньше контролировалась пограничной стражей, пустынной стражей и прочими “армиями” Каддафи, превратилась в базу для исламистов и в пункт сбора иммигрантов из Ближнего Востока и Африки для отправки их в Европу. Оружие, которое годами накапливал Каддафи, стало достоянием многих исламистских группировок, кочующих по бескрайним просторам Сахары вплоть до Мали. Вначале Франция воевала против Каддафи, а потом ей пришлось воевать против его врагов.

Еще с советских времен самое простое объяснение невыгодных для нас событий, процессов и явлений чаще всего давалось с позиции конспирологии. И находились “следы ЦРУ”, и появлялись такие загадочные понятия, “управляемый хаос”, “заговор мирового правительства” и пр. Но вот что говорят американские ученые. Так, Ф. Грегори Гоз III в статье “Почему исследователи проблем Среднего Востока прозевали Арабскую весну. Мифы о стабильности авторитарных режимов” пишет: “Для экспертов по Среднему Востоку такой же неожиданностью явились арабские

восстания, как и для человека с улицы. Все последние десятилетия доказывая стабильность местных авторитарных режимов, они недооценивали скрытые силы грядущих перемен. После того, как они снимут пелену со своих глаз, они поймут необходимость пересмотра своих прогнозов о развитии ситуации в арабском мире”³. Американские ученые не преувеличивают и возможности США влиять на события в арабском мире. В июле 2011 г. в Институте Среднего Востока состоялась двухдневная конференция специалистов из более чем 20 американских исследовательских центров, занимающихся проблемами этого региона. Высказывались разные мнения по поводу “арабской весны”, но ключевой вывод гласил: «Арабская весна показала ограниченные возможности американского государства влиять на события на Среднем Востоке. У США уже нет авторитета и ресурсов, чтобы оказывать доминирующее влияние на Среднем Востоке, какое было до потери Британией Суэца в 1971 г. Ни США, ни Европа не имеют тех финансовых ресурсов, которые бы позволяли контролировать развитие событий в странах “арабской весны”. Их влияние носит ограниченный характер, притом что основной инвестиционный капитал идет от других, в частности, стран Персидского залива и Китая»⁴. В ходе обмена мнениями американские ученые проанализировали ситуацию практически во всех арабских странах, в которых на тот момент имели место массовые протестные выступления, и, кстати сказать, их оценки ситуации не вызывают серьезного возражения.

На деле и США, и их союзники чаще всего не предвидят, к каким неприятным, если не сказать, тяжелым для них, да и для мира в целом последствиям приводят их вооруженные акции в тех или иных странах, что видно невооруженным глазом на примере Ирака и Афганистана. И причину “арабской весны” многие российские политики и аналитики видели во внешнем вмешательстве. Да, оно было, причем в отдельных случаях вооруженное, но не оно спровоцировало волнения едва ли не во всех арабских странах. Да и кто мог организовать антиправительственные выступления того или иного масштаба, как мирные, так и вооруженные, чуть ли не во всех арабских странах?! Напомню, что вслед за Тунисом и Египтом они начались 14 января в Иордании, 17 января – в Мавритании, 21 января – в Саудовской Аравии, 22 января – в Йемене, 26 января – в Сирии, 24 февраля – в Алжире, 20 октября – в Ливии, в Ираке, Кувейте, Бахрейне, Ливане, Западной Сахаре... В Ливии, Йемене и Сирии протестные выступления переросли в гражданскую войну. Кстати говоря, в “цепном характере” этих выступлений некоторые американские ученые увидели новый, трансграничный характер арабского единства, пришедшего на смену традиционному панарабизму. Так Ф. Грегори Гоз III подчеркивает, что когда в 2009 г. в Иране происходили протестные движения, то это не имело никакого воздействия на арабские страны, а когда случилась революция в Тунисе, то весь арабский мир пришел в движение.

В Тунисе и Египте антиправительственные выступления начались без вмешательства извне. Тесно связанный с Францией тунисский режим был для бывшей метрополии вполне приемлемым. И тем более устраивало Запад, в первую очередь США, правление Мубарака. Достаточно сказать, что едва ли не все высшие египетские офицеры после смерти президента Насера в 1970 г. и пришедшего ему на смену ориентированного на США А. Садата учились в американских военных заведениях. Египет ежегодно получал от США безвозмездную помощь в размере 1,5 млрд долл., которые в основном шли на укрепление армии. Устраивал этот режим и Израиль, который, как известно, является самым надежным союзников США в ближневосточном регионе. На деле волнения в Египте застали Вашингтон врасплох, и он не сразу сориентировался. Вначале он поддерживал Мубарака, потом – восставших, затем – победившего на президентских выборах в июне 2012 г. исламиста из Братьев-мусульман М. Мурси, кото-

³ *Gregory Gause F. III. Why Middle East Studies Missed the Arab Spring. The Myth of Authoritarian Stability.* – <http://www.campus-watch.org/article/id/11467>

⁴ *Keiswetter A.L. The Arab Spring: Implications for US Policy and Interests.* – <http://www.mei.edu/content/arab-spring-implications-us-policy-and-interests>

рый тут же реализовал записанное в новой конституции положение о том, что основой государственного строя Египта является шариат⁵. Однако Мурси показал себя слабым государственным деятелем, слишком податливым влиянию Братьев-мусульман, и миллионы египтян, живших последние десятилетия в светском государстве, не желали возвращаться в далекое прошлое. Как следствие, Египет превратился в арену непрекращающейся борьбы светских сил с исламистами, и возникла угроза разрушения государства. В этих условиях армия во главе с популярным в народе министром обороны и верховным главнокомандующим вооруженными силами Египта Абдель Фаттах ас-Сиси в июле 2013 г. свергла президента Мурси и взяла ситуацию в стране под свой контроль. Вашингтон опять оказался в замешательстве и поначалу отказал Египту в финансовой помощи, ссылаясь на то, что по американским законам нельзя оказывать ее режимам, которые появляются в результате свержения законно избранной власти. Но в ходе новых президентских выборов победу одержал А.Ф. ас-Сиси, ставший в июне 2014 г. новым главой государства. Только с этого времени Вашингтон окончательно определился со своей политикой в отношении Египта. Но ошибочно было бы думать, что исламисты, которые на первых вполне свободных выборах получили большинство голосов избирателей, бесследно исчезли. Они время от времени устраивают беспорядки и, вполне возможно, ждут своего часа. Притом что за влияние на Египет борются не только США, но и богатые нефтью арабские страны.

Хорошо известно, что США одержимы стремлением насаждать западный тип демократии даже в странах с преобладающими родоплеменными отношениями, поэтому готовы поддерживать любые протестные движения под флагом борьбы за демократию. Но события в арабском мире пошли по собственному сценарию. В Вашингтоне хотели сохранить лояльные ему режимы, в том числе автократические, а также свои военные базы. Его заботила ситуация в Бахрейне, где базируется 5-й флот США, но где шиитское большинство не имеет равных прав с правящим суннитским меньшинством и где время от времени вспыхивают серьезные волнения. С помощью своего традиционного союзника Саудовской Аравии эти волнения подавляются. Вашингтон проявил гибкость в оценке массовых протестных выступлений в Йемене, который занимает исключительно важное геополитическое положение в районе Красного моря и Африканского Рога. Не случайно здесь пытается закрепиться Аль-Каида, боевики которой время от времени устраивают террористические акты. Вашингтон, воздерживаясь от прямой критики А. Салеха, искал пути к компромиссу враждующих сторон, и, как ему казалось, решение было найдено добровольным уходом его с поста президента и отъезда “на лечение” в США. Что должно было разрядить политическую напряженность в стране. Как считали аналитики, территория Йемена при определенных обстоятельствах могла бы использоваться американскими вооруженными силами для противодействия укреплению в этом регионе Аль-Каиды. Только при условии, разумеется, что власть в Йемене будет лояльной США.

Однако и здесь ситуация пошла не так, как планировал Вашингтон. Как оказалось, гораздо легче было добиться отставки Салеха, чем политической стабильности в очень бедной стране со сложной этноконфессиональной структурой. Началась борьба за власть между суннитским большинством и шиитским меньшинством – хуситами. После прихода к власти нового президента Йемена Абд Раббу Мансур Хади в 2012 г. хуситы не были представлены в правительстве, что вызвало их недовольство. Но поводом для начала гражданской войны послужило урезание правительством субсидий на топливо, отчего в первую очередь пострадала хуситская беднота. Это произошло в августе 2014 г., а уже в сентябре, не встречая серьезного сопротивления со стороны

⁵ В ходе первых свободных выборов в парламент страны (Народное собрание), проходивших в три этапа в конце 2011 – начале 2012 г., победу одержали ранее запрещенные исламистские партии Братья-мусульмане и Ан-Нур, которые разрабатывали проект новой конституции. Светские партии, которые, кстати сказать, требовали скорейшего ухода от власти военных, получили чуть более 13% голосов избирателей и отказались в этом участвовать.

правительственных войск, движение Аль-Хуси распространило свое влияние на значительную часть территории страны. По данным СМИ, в гражданскую войну вмешались шиитский Иран и суннитская Саудовская Аравия, соперничающие за господство в регионе. Иран начал поставлять по морю и воздуху оружие и снаряжение хуситам, а Саудовская Аравия создала коалицию с эмиратами Персидского Залива и Египтом и начала воздушную войну против хуситов с возможным ведением и наземных операций. Обстановка сложная, она меняется и к чему все это приведет, сказать трудно.

Какие причины вызвали массовые протестные выступления в арабских странах? Во-первых, это нищета немалой, а то и большей части населения на фоне нажитого нередко несправедным путем богатства верхушки общества. Но это касается далеко не всех стран, а прежде всего бедных природными ресурсами. Так, в Египте в начале 90-х годов XX в. было около 50 млн человек, а ныне – 86 млн. Притом что валовой внутренний продукт (ВВП) в 2013 г. по официальному курсу составлял 250 млрд долл., что по паритету покупательной способности (ППС) – чуть более 500 млрд долл. Как его справедливо ни дели, с бедностью не покончишь. Правда, несколько миллионов египтян постоянно работают в других, в том числе богатых нефтью соседних странах, и переводят деньги своим семьям. Египет имеет крайне ограниченные возможности для развития аграрного сектора и вынужден импортировать сельскохозяйственные продукты, и прежде всего пшеницу для производства дешевых “социальных лепешек” для бедноты. До начала “арабской весны” ежегодный рост ВВП в среднем составлял 5%, и резко увеличить его при существующих темпах прироста населения весьма проблематично, а ввести планирование семьи в мусульманской стране является трудно решаемой проблемой.

Но еще более тяжелая ситуация в Йемене, одной из самых бедных арабских стран. Там душевой доход, по данным на 2013 г., по номиналу составлял 1,5 тыс. долл., а по ППС – 3,8 тыс. долл. С одной стороны, имеет место очень быстрый естественный прирост населения. Так, если в 1970 г. в стране проживало 6 млн человек, то в 2014 г. – около 26 млн человек. Темпы прироста населения хотя в последние годы и снизились с 3 до 2,7%, порой выше темпов роста ВВП. А с другой стороны, очень ограниченные возможности для развития сельского хозяйства. Большую часть территории страны занимают пустыни, полупустыни и горы, а полоса прибрежных равнин довольно узкая, притом что постоянных рек нет. 70% дохода страны дает относительно небольшой экспорт нефти, добыча которой идет на убыль.

Во-вторых, факторами арабских волнений были коррупция и фальсификация результатов парламентских и президентских выборов. О коррупции вряд ли стоит распространяться, поскольку ее причины и последствия для общества и страны примерно те же, что и в России. А о фальсификации результатов выборов, а говоря шире, об имитационном характере этих выборов свидетельствует тот факт, что на последних до начала массовых антиправительственных выступлений президентских выборах, в частности, Бен Али и Мубарак, получили чуть ли не стопроцентное число голосов избирателей.

В-третьих, сказалось и многолетнее пребывание во власти первых лиц государства. Даже порядочные люди во власти могут людям надоесть. На момент начала “арабской весны” Бен Али правил в Тунисе 23 года, Мубарак в Египте – 30 лет, Салех в Йемене – 30 лет, Х. Асад и его сын Башар в Сирии – соответственно 30 и 11 лет, Каддафи в Ливии – 42 года. Причем по примеру Сирии Мубарак и Каддафи готовили себе в преемники своих сыновей. Социологи уже давно выявили, что оптимальное пребывание во власти первых лиц государства составляет 8–10 лет. А если этот срок увеличивается, тем более многократно, то они, как правило, теряют управленческий и творческий потенциал, продвигают во власть не талантливых и профессиональных, а лично преданных людей (а в странах с родоплеменными отношениями или их сильными пережитками – родственников и людей из своей общины), обрастают корыстолюбивыми лъстцами и нередко теряют реальное представление о стране и мире. Исключение составляют разве только особо выдающиеся руководители, как, например,

архитектор сингапурского “экономического чуда” Ли Куан Ю или создатель невероятной успешной китайской модели развития Дэн Сяопин. Впрочем, последний реально руководил страной не более 10 лет, добровольно оставив все свои государственные и партийные посты. Именно он настоял на том, чтобы первое лицо в партии и государстве – генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая (КПК), он же и председатель Китайской Народной Республики (КНР), а также премьер-министр занимали должность не более двух сроков каждый по 5 лет. Причем, не подряд, как в РФ, а вообще, и не пересаживались из кресла президента в кресло премьера и наоборот. Это положение было закреплено в Уставе КПК и Конституции КНР, и оно неукоснительно соблюдается уже четверть века. Обязательный уход особенно первого лица в государстве со своего поста после 10-летнего срока позволяет постоянно обновлять высший слой правящей элиты, стоит на пути его превращения в диктатора, как это случилось с Мао Цзэдуном, ограничивает его возможности для злоупотребления властью, поскольку после его отставки он уже не пользуется личной неприкосновенностью и может предстать перед судом, как и любой другой китайский гражданин. В то же время ротация первых лиц стала и препятствием на пути разрастания коррупции в высших эшелонах власти.

Важное значение в “арабской весне” имел религиозный, а говоря шире, этноконфессиональный фактор. Британский ученый из Оксфордского университета К. Эгдамян в статье “Какова была роль религии в Арабской весне?” увидела закономерный характер возрастания роли ислама по ходу массовых выступлений. Как отмечали и российские арабисты, поначалу протестное движение в арабских странах проходило под светскими лозунгами. Но, как в свое время и в Иране, организующей силой исламистов стали мечети. “Мечети, – отметила К. Эгдамян, – были не только местом, где протестующие получали мотивацию своих действий, но они так же функционировали как центры, готовые к дальнейшим действиям. Без мечетей политическая мобилизация исламистов в ходе Арабской весны была бы невозможной”⁶. И стоило исламистам победить в ходе вполне демократических выборов в Тунисе и Египте, как усиление их роли в общественной жизни многих арабских стран стало резко возрастать. И в этом тоже сказался демонстрационный эффект.

Появление так называемого Исламского государства (ИГ) стало полной неожиданностью даже для многих из тех, кто давно занимается арабскими странами. Вначале оно позиционировало себя как Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) (Левант в узком смысле слова включает Сирию и Ливан). Потом оно стало называться ИГ. Очевидно, для благозвучия в СМИ чаще всего используется прежняя аббревиатура ИГИЛ. Стоящие за ИГ исламисты крайне радикального толка, которых называют и ваххабитами, и салафитами, но истинное им название – прикрывающиеся исламом террористы – неправдоподобно быстро захватили обширную территорию Ирака, включая второй по величине город Мосул, имеющий важное стратегическое значение. Встают сразу два вопроса. Во-первых, куда уходят корни ИГ? И, во-вторых, почему его базой стали Ирак и Сирия? Чтобы ответить на них, необходим небольшой экскурс в историю.

В 50-е годы XX в. сирийцы христианин М. Афляк, суннит С. Битар при активном содействии выхода из алавитской общины (одна из шиитских ветвей ислама) А. Хуарани образовали общеоарабскую партию, в 1954 г. получившую название БААС, в русской аббревиатуре ПАСВ – Партия арабского социалистического возрождения. Она создала свои отделения в ряде арабских стран. В Сирии баасисты пришли к власти в 1963 г. путем военного переворота. В том же году, и тоже путем военного переворота, они пришли и в Ираке. Но через несколько месяцев баасисты потеряли власть в Ираке и вернули ее путем военного переворота в 1968 г. Потом произошло еще несколько государственных переворотов. Причем перевороты в Ираке, даже когда радикальные

⁶ *Eghdamian K.* What Was the Role of Religion in the Arab Spring. – <https://www.opendemocracy.net/arab-awakening/kat-eghdamian/what-was-role-of-religion-in-arab-spring>

баасисты свергали своих умеренных однопартийцев, как правило, носили кровавый характер. В какой-то момент Сирия и Ирак хотели объединиться, но по большей части они враждовали. Оба режима имели светский характер, их идеологией был арабский социализм, в котором социалистические элементы сочетались с панарабизмом и антиимпериализмом. Религиозные общины суннитов и шиитов были в обеих странах, но то, насколько они были представлены во власти, в вооруженных силах и бизнесе, до поры до времени не выходило на поверхность политической жизни. В Ираке ведущую роль в жизни общества и во власти, в вооруженных силах и бизнесе традиционно играли сунниты, живущие преимущественно в северо-западных районах страны. Они составляют около 30% населения. Считается, что доминирование суннитов в Ираке началось еще в XV в., когда страна была завоевана оттоманами-суннитами. Шииты же составляют более 60% населения и живут в основном на юго-востоке страны, в том числе в пограничных районах с Ираном, в котором шиизм является государственной религией.

После возвращения партии БААС к власти в 1968 г. президентом страны стал генерал А.Х. Бакр. При его правлении были проведены многие прогрессивные преобразования в социально-экономической и культурной сфере, в области медицины. Строились дороги, промышленные предприятия и т.д. Ирак быстро развивался и мог бы стать одной из “новых индустриальных стран”. Были установлены дружественные отношения и широкое сотрудничество с СССР. За счет больших доходов от нефти значительно повысился жизненный уровень иракцев. В 1979 г. произошла шиитская революция в Иране, появилось брожение в шиитских районах Ирака, куда проникали иранские пропагандисты, активизировалась борьба за независимость курдов. В этой обстановке возникли разногласия в иракском руководстве, завершившиеся победой радикального крыла. 11 июля 1979 г. А.Х. Бакр ушел в отставку. Президентом стал С. Хусейн, начавший карательные операции против курдов с применением химического оружия, репрессии против нелояльных шиитов и войной с Ираном, продолжавшейся с 1980 по 1988 г. Иранская сторона утверждала, что в ходе этой войны Ирак применял отравляющие вещества.

Оказавшись в острой конфронтации с режимом Хомейни, США подталкивали Хусейна к войне и, как говорят, даже негласно помогали Багдаду оружием. Война с Ираном потребовала немалых расходов, Ирак влез в большие долги, и Хусейн решил их погасить за счет богатого нефтью соседнего Кувейта, который был очень быстро оккупирован иракской армией и объявлен 19-й провинцией Ирака. Объяснялось это тем, что Кувейт когда-то входил в состав Ирака. В мире не согласились с таким поворотом событий. ООН потребовала от Хусейна немедленно вывести войска из Кувейта. По решению советского руководства в Багдад был направлен Е.М. Примаков, пытавшийся убедить С. Хусейна не доводить дело до войны. Однако хорошо знавший собственную страну, но имевший слабое представление о расстановке сил в мире и характере войны с применением новых технологий, Хусейн был уверен, что войска коалиции государств во главе с США не смогут одержать верх над хорошо вооруженной армией Ирака, к тому времени создавшей мощные оборонительные сооружения. Только Хусейн не учел, что современная война – это не только “война моторов”, но и “война технологий”, и эту войну, названную американцами “Бурей в пустыне”, ему не выиграть. За агрессию против Кувейта ООН наложила на Ирак санкции, ограничила экспорт нефти, и саддамовский режим оказался в тяжелом положении. Но Ирак – богатая природными ресурсами страна и народ практически не голодал. ООН приняла программу “Нефть в обмен на продовольствие”, по которой Ирак экспортировал нефть и взамен импортировал продовольствие.

В Сирии имеет место другой расклад этноконфессиональных сил. Тут, напротив, сунниты составляют более 60% населения, а около 40% – этноконфессиональные меньшинства: алавиты, курды, друзы, исмаилиты, христиане и др. Алавиты, которых ортодоксальные сунниты считали сектой, находились на нижних ступенях социальной лестницы, в то время как высшие ступени занимали представители суннитских

кланов. В религиозной доктрине алавитов ислам сочетается с элементами древних культов и христианства. В частности, они используют в ритуале вино, почитают Иисуса Христа, отмечают христианские праздники Рождество и Пасху, считают священной книгой Евангелие, часто носят христианские имена, до последнего времени не строили мечетей, а молились в молитвенных домах. С шиизмом же их связывает почитание Али, которого они считают подлинным преемником Пророка. При этом алавиты отличаются веротерпимостью. Тем не менее Иран считает их принадлежащими к шиизму и поддерживает в тяжелые времена. Сунниты не считали службу в армии престижной и не стремились в ней служить. Франция, колониальная держава, до получения Сирией независимости в 1946 г. предпочитала вербовать в силовые структуры представителей национальных меньшинств и в первую очередь алавитов. В итоге ключевые посты в армии оказались в руках алавитов, составляющих, по разным оценкам, от 10 до 16% населения страны. Алавиты стали и костяком партии БААС.

Но и после прихода баасистов к власти политическая ситуация в стране оставалась неустойчивой, пока ее руководителем в 1970 г. не стал в результате военного переворота Х. Асад, отец нынешнего президента Б. Асада. Однако и Х. Асад столкнулся с активизацией исламских экстремистов из Братьев-мусульман, которые на рубеже 80-х годов XX в. в борьбе против “неверных” во власти развернули террористические действия по всей стране. С особой жестокостью они убивали курсантов военных училищ, членов партии БААС и т.д. Ответ Асада был решительным и беспощадным. Город Хама, в котором исламисты в 1982 г. подняли вооруженный мятеж, фактически был стерт с лица земли. Тотальная борьба властей с Братьями-мусульманами привела к их исчезновению с политической арены. Считать ли действия Х. Асада неоправданно жестокими, как это делают многие западные и некоторые российские аналитики, вопрос спорный. Ведь никто не может сказать, как бы поступили с “неверными” те, кто захватил бы в стране власть. На примере радикальных исламистов (ваххабитов, или салафитов) суннитского толка Ирака мы видим, с каким ожесточением они ведут борьбу с шиитами: взрывают бомбы в самых людных местах и даже в мечетях, в результате гибнут ни в чем не повинные люди, включая детей, женщин и стариков. После подавления мятежа Братьев-мусульман Сирия получила мир на 30 лет, в течение которых много было сделано для развития страны. Хотя, конечно, были и ошибки в экономической и социальной политике.

В то же время нельзя сказать, что алавиты единолично властвовали в Сирии. Во всех структурах, как военных, так и партийных, они не были в большинстве, кроме, пожалуй, спецслужб. Одно время президентом Сирии был курд, а премьером – суннит. Точно так же нельзя сказать, что только конфессиональный фактор привел к гражданской войне. За несколько лет до начала “арабской весны” Сирию поразила тяжелая засуха, причем она больше всего ударила по районам проживания суннитов. В два раза уменьшился сток воды в Евфрате после того, как Турция построила плотину и мощную ГЭС “Ататюрк”. Стали истощаться запасы подземных вод. Лишившиеся источников существования крестьяне стали стекаться в города, притом что Сирия приняла много беженцев из соседних стран, не считая палестинцев. Оказалась рискованной и политика поощрения рождаемости, в результате которой население увеличилось с 5 млн человек в 1963 г. до 22,5 млн на начало 2013 г. Резко выросла безработица, в том числе среди образованной молодежи, которая, как известно, инициировала волнения в большинстве стран “арабской весны”.

Можно согласиться, что С. Хусейн – тиран и злодей, а господство суннитского меньшинства над шиитским большинством несправедливо. Но когда США вместе со своими союзниками, совершив агрессию против Ирака и оккупировав его, создали условия для доминирования во власти шиитского большинства, им, очевидно, казалось это справедливым. Только при этом жизнь большинства иракцев, как суннитов, так и шиитов, превратилась в сплошной кошмар. Люди стали бояться не только ездить по стране и в темное время суток ходить в магазины, посещать общественные места, но и в дневное время выходить на улицу. Как свидетельствуют посещающие Ирак неан-

гажированные западные и российские журналисты, в ходе бесед с иракцами те едва ли не в один голос говорят: при диктатуре Хусейна им жилось несравнимо лучше, чем при нынешней демократии. Действительно, демократия превращается в фикцию, если опасности подвергается сама жизнь людей. Ведь ежегодно жертвой террора становятся десятки тысяч ни в чем неповинных иракцев.

Вполне можно было предвидеть, что американская оккупация вызовет сопротивление в иракском обществе, и прежде всего со стороны суннитских радикальных элементов. Так оно и произошло. Исламист А.М. Заркави сформировал в Ираке Аль-Каиду, а после его смерти в 2006 г. эта организация трансформировалась в Исламское государство Ирака (ИГИ). В 2010 г. ее новый лидер А.Б. Багдади солидаризировался с исламистами, воюющими против Б. Асада, и в 2013 г. создал Исламское государство Ирака и Леванта. В первой половине 2014 г. ИГИЛ установило контроль над десятками иракских городов и поселков, захватило нефтеносные районы и объявило о создании халифата, сменив при этом название на ИГ. И возникает вопрос: как это могло случиться после стольких лет правления шиитского большинства? С одной стороны, шииты имеют слабый опыт государственного управления и военного строительства и за десять лет не смогли создать боеспособную армию. При встрече с джихадистами бойцы иракской армии нередко тут же отступали или разбегались, оставляя боевую технику врагу. С другой стороны, на сторону ИГ часто переходили сунниты, во всяком случае не оказывали джихадистам сопротивления. Поэтому не случайно те так легко и быстро захватили районы проживания суннитов, в том числе город Мосул и родину Хусейна город Тикрит.

С точки зрения западной либеральной публики и ситуация в Сирии казалась нетерпимой, поскольку представители этноконфессионального меньшинства отец и сын Асады бессменно правили несколько десятков лет при однопартийной системе и в условиях чрезвычайного положения. Справедливость требует сказать, что такое положение, конечно же, не нравилось многим сирийцам. И когда волна “арабской весны” дошла до Сирии и возникло оппозиционное движение режиму, то на его сторону стали переходить многие из тех, кто еще недавно был в рядах сторонников президента, включая офицеров и даже генералов. Именно они составили костяк светской Сирийской свободной армии. Многим казалось, что дни правления Б. Асада сочтены. Но в его пользу сыграло несколько факторов. Во-первых, Россия, помимо давних и широких экономических, гуманитарных и иных связей с Сирией, унаследовала от СССР его последнюю морскую базу за своими пределами в сирийском г. Тартус, официально названную пунктом материально-технического обеспечения российского военно-морского флота в районе Средиземного моря. По данным иностранных источников, Асад хотел бы, чтобы этот порт превратился в настоящую военно-морскую базу РФ, что усилило бы его позиции в стране и регионе. Помощь России режиму Асада состояла в том, что она препятствовала наложению Западом санкций на Сирию и, как считают аналитики, поставляла ему оружие. Во-вторых, помогал Асаду в борьбе с повстанцами и Иран, в том числе, возможно, и за то, что Сирия была единственной арабской страной, которая поддерживала Иран в его войне с Ираком. И в момент, когда режим Асада находился на грани краха, ему на помощь, как сообщали западные СМИ, негласно пришли бойцы из Корпуса стражей исламской революции и вполне открыто – бойцы Хезболлы, которая в свое время была создана Сирией в Ливане из шиитской общины. В-третьих, по мере того как гражданская война затягивалась, в Сирию со всех сторон потянулись исламисты, включая террористов. И прежде всего из рядов суннитов, которые составляют 90% исламской общины. В этих условиях взгляды Евросоюза и США разошлись по вопросу поддержки противников Асада. В то время как ведущие европейские страны готовы были оказывать им активную военную помощь, Вашингтон перед лицом усиления исламистов в оппозиционных режиму Асада силах выражал неуверенность в том, кто реально воспользуется поставляемым повстанцам оружием. Однако затянувшаяся гражданская война в Сирии, помимо того, что унесла из жизни около 250 тыс. человек, разорила страну, нанесла трудновосполнимый ущерб

ее экономике. Кто будет помогать режиму Асада восстанавливать разрушенное? Запад, разумеется, не будет, не будут этого делать и богатые страны Персидского Залива, в которых господствующей религией в рамках ислама является суннизм. Возможности Ирана весьма ограничены. Скорее всего, Асад рассчитывал на Россию. Но она сама вползает в глубокий кризис.

Так откуда взялось ИГ? Исламисты в Сирии основательно потеснены верными Асаду войсками, но сумели сохранить там свои базы. Таким образом, исламисты Ирака, в том числе прислужники и сторонники С. Хусейна, с одной стороны, и многочисленные отряды исламистов, боровшихся против режима Б. Асада, с другой стороны, и есть армия новоявленного исламского халифата во главе с Багдади, объявившего себя “халифом всех мусульман”. “Халиф” называет и районы в Ираке и Сирии, которые должны войти в состав “халифата”. И эта армия постоянно пополняется, как говорят западные источники, не менее чем по тысяче каждый месяц, прежде всего, из мусульманских стран, в том числе Ливии, в которой после устранения от власти М. Каддафи при активной помощи Запада, повторюсь, победила не демократия, а война всех против всех. Пополнение идет из Египта после отстранения военными от власти исламистов. Свою “квоту” исламистов дает и Запад. И, что удивительно, в их числе есть коренные европейцы и белые американцы, включая женщин и даже молоденьких девушек. Есть они и из РФ. То, как исламистам удастся их вербовать, является отдельной темой, но представление об этом можно получить, прочитав очерк журналистки “Московского комсомольца” Ж. Голубицкой “Невеста для джихадиста. Как меня вербовали в Исламское государство”⁷.

При этом эксперты утверждают, что ИГ – самая богатая террористическая организация. Джихадисты торгуют нефтью с захваченных нефтепромыслов, “облагают налогом” бизнес, получают помощь от частных лиц и некоторых богатых нефтью арабских стран, грабят банки и имущество. А еще берут в заложники журналистов и специалистов, в том числе приехавших из развитых стран для оказания помощи местному населению в технической и гуманитарной сферах, и требует выкупа за огромные суммы. То есть ведут себя не как борцы за идею, а как отъявленные бандиты. А их изуверская сущность проявляется в том, что на захваченных территориях они чинят редкое по своей жестокости насилие над людьми, не принадлежащими к исламской вере и даже к ваххабитскому течению, часто убивают “неверных”, а молодых людей и женщин часто уводят в рабство. ИГ – это примерно такое же ультрарадикальное террористическое течение, как и Аль-Каида, прикрывающееся исламом, но на деле, подчеркиваю, ничего общего не имеющее с его гуманистической сущностью. С той только разницей, что Аль-Каида ставит своей целью свержение светских режимов и создание Великого исламского халифата во всех странах мусульманской конфессии, а ИГ уже поставило в повестку дня задачу создание халифата на территории Ирака и Сирии. Никакой новой идеи не имеет ни то, ни другое, поскольку этого и не требует возврат к средневековому халифату, в котором жизнь человека четко прописана от рождения до смерти. ИГ – это то зло, которое угрожает едва ли не всем странам, включая Россию, в которой 15—20% населения принадлежит к исламской культуре. И то, что его эмиссары ИГ проявляют интерес и к нашей стране, сомневаться не приходится.

Вопрос о притягательности ИГ для молодых людей из развитых стран еще нуждается в изучении, как и способность к вооруженному сопротивлению, несмотря на мощные бомбардировки его позиций авиацией целого ряда государств, решивших покончить с фальшивым государством нелюдей.

Как относиться к “арабской весне”? Если антиправительственные волнения начались стихийно и прокатились чуть ли не по всему арабскому миру, значит это не могло быть случайным. На деле это была первая попытка арабских масс заявить о своем праве на участие в политической жизни своих стран, если не в определении своей

⁷ Голубицкая Ж. Невеста для джихадиста. Как меня вербовали в Исламское государство. – Московский комсомолец, 20.X.2014.

судьбы. Протесты начинала молодежь, но потом они разрастались и в них принимали участие люди из самых разных социальных слоев, разных возрастов, профессий и т.д. Например, на площади Тахрир в центре Каира собирались сотни тысяч человек. Часто это напоминало толпу, которая охотно подхватывает самые радикальные лозунги, выдвигает объективно невыполнимые требования, сильно преувеличивает свои возможности изменить существующий порядок вещей. Но это обычный путь политического созревания масс. Что же касается выдвигаемых целей добиться демократических перемен, покончить с коррупцией, иметь хорошо оплачиваемую работу, бесплатно учиться, лечиться и пр., то для их реализации потребуется еще немало времени и не одна “арабская весна”. Выросшая из века Просвещения Великая французская революция многое изменила в политическом устройстве Франции и оказала огромное влияние на остальной мир, однако не сменила вектор социального развития и не решила многих жизненно важных для народа проблем. Поэтому случились еще три революции, пока во Франции не установились разделяемые большинством народа базовые ценности.

А между тем и многие западные ученые не верили в торжество демократии в арабских странах, в которых еще остается сильное влияние ислама (являющегося не просто религией, а образом жизни правоверного мусульманина), но и родоплеменных отношений. Еще на раннем этапе “арабской весны” в американском Центре Вудро Вильсона состоялась дискуссия с участием довольно авторитетных фигур под многозначительным названием “Арабская весна или Арабская зима (или то и другое)? Последствия для американской политики”⁸. В ходе обмена мнениями выделялась мысль, что в условиях уменьшения американского влияния в регионе на первый план должна выйти “мягкая сила”, и что сами по себе революции не в состоянии изменить ни социально-экономическую ситуацию, ни массовое сознание населения региона. Они как бы повторяли слова философа Н.А. Бердяева, что “революции, происходящие на поверхности жизни, ничего существенного никогда не меняют и не открывают, они лишь обнаруживают болезни, таившиеся внутри народного организма... Новые души рождаются позже, после глубокого перерождения и осмысления опыта революции”⁹. А уже после прихода к власти исламистов в Египте и партии умеренного ислама в Тунисе швейцарский ученый Л. Видино, который много писал о Братьях-мусульманах, констатировал: “После провала предвидеть Арабскую весну и ее развитие Запад ставит важный вопрос: что означает власть исламистов для арабских стран и для самого Запада?”¹⁰ Сложившуюся ситуацию в странах “арабской весны” Л. Видино считает непредсказуемой. Замечу, однако, что в Египте и Тунисе Братья-мусульмане и исламская партия Эннахда соответственно в 2014 г. власть потеряли, причем в результате свободных выборов.

Что, однако, является достижением “арабской весны”? Во-первых, народ убедился в том, что он может свергнуть существующий режим. Во-вторых, в республиканских странах руководители поняли, что их пожизненному правлению и передачи власти по наследству приходит конец. Исключением являются устоявшие в период антимонархических революций 50—60-х годов XX в. монархии с умными монархами, родословная которых связана с пророком Мухаммедом. К тому же в большинстве монархий благодаря крупным запасам нефти высокий жизненный уровень населения. В-третьих, проходящие президентские и парламентские выборы стали более открытыми и менее имитационными, как было до начала “арабской весны”. В-четвертых, правители начали понимать, что монополизация власти какой-то одной этноконфессиональной общиной чревата негативными последствиями.

⁸ Arab Spring or Arab Winter (or Both)? Implications for US Policy? – <http://www.wilsoncenter.org/event/arab-spring-or-arab-winter-or-both-implications-for-us-policy>

⁹ Бердяев Н.А. Духи русской революции. – Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990, с. 55–56.

¹⁰ Vidino L. The West And The Muslim Brotherhood After The Arab Spring. – <http://www/fpri.org/articles/2013/03/west-and-muslim-brotherhood-after-arab-spring>

Однако выявились и слабые стороны “арабской весны”. Прежде всего это политическая неопытность ее субъекта. Если бы были более опытными лидеры “арабской весны”, скажем, в Египте, то они понимали бы, что надо не спешить свергать президента Х. Мубарака, а пытаться добиваться от него демократизации политической системы. Что бы ни вменялось в вину Мубараку, он был гарантом светского характера государства, при его правлении исламистские партии были запрещены. Да и не должны были они требовать немедленного ухода правящей Национально-демократической партии с политической сцены, а пытаться трансформировать ее. Она входила в Социнтерн и это давало возможность влиять на нее не только изнутри, но и извне. Реальной замены ей не нашлось, не считая исламистских партий. С учетом складывающегося соотношения сил в стране не следовало бы и требовать скорейшего ухода армии из власти в переходный период. Еще хуже то, что деятели “арабской весны” плохо знали собственную страну, в частности, настроение народа. Они требовали скорейших честных и свободных выборов, а в результате открыли путь к приходу к власти исламистов. А еще они не предвидели, а скорее, и не могли предвидеть, какие тяжелые последствия для страны может иметь нарушение складывавшегося десятилетиями, если не веками, баланса этноконфессиональных сил. Но это практически неизбежные издержки массовых выступлений людей, не знавших политических свобод.

Что касается стран Запада, и в первую очередь Евросоюза, то их вмешательство в происходящие в арабских странах события с началом антиправительственных выступлений можно оценить как негативное. Они фокусировали внимание оппозиционных сил на необходимости радикальных демократических перемен, не отдавая себе отчет в том, доросло ли до них само общество в этих странах. Те либеральные силы Запада, которые активно поддерживали “арабскую революцию”, похоже, лишены чувства истории. Они не только плохо знают мусульманский мир, но и то, как в их собственных странах укоренялась представительная демократия. В Англии еще в 1215 г. была принята Великая хартия вольностей, которая ограничивала права короля и давала некоторые привилегии верхушке общества и городам. Однако еще в XIX в. правом избирать и быть избранным в парламент пользовалось менее 10% взрослого населения, а женщины вообще были лишены права голоса. А США смогли принять в целом демократическую конституцию (1787 г.) еще на сравнительно низком уровне развития только потому, что большинство переселенцев прибыло из Англии. Не стоит забывать и того, что еще почти 100 лет в Америке сохранялось рабство чернокожих. А если поставить вопрос, усилились ли позиции Запада на Ближнем Востоке и в Северной Африке под влиянием “арабской весны”, то я бы дал на него отрицательный ответ.